

С. Э. Зверев

Военная риторика Второй мировой войны с позиции теории общественной речи

В статье обосновывается выбор в качестве метода исторического и культурологического исследования изучения дискурсивной формации соответствующего исторического периода. Отмечается, что историю Второй мировой войны можно рассматривать с точки зрения противоборства государств с различным типом речевой организации. Делается вывод о пагубности любой идеологии для самобытного и сбалансированного развития общественного сознания и важной роли культуры в обеспечении действенности общественной речи в процессе речевого воспитания армии и народа.

Ключевые слова: археология знания, речевое воспитание, военная риторика, общественная речь, пафос общественной речи

Sergey E. Zverev

The military rhetoric of the Second world war with the position of the theory of public speaking

The article substantiates the choice as a method of historical and cultural research study of the discursive formation of the corresponding historical period. It is noted that the history of the Second world war can be seen as a confrontation of States with a different type of speech organization. A conclusion is made about the malignancy of any ideology for original and balanced development of social consciousness and the important role of culture in ensuring the efficiency of public speaking in verbal education of the army and the people.

Keywords: archaeology of knowledge, verbal education, military rhetoric, public speech, inspiration of public speech

Многочисленные исследования по истории Второй мировой войны до сих пор группируются, как правило, в предметной области собственно исторической науки и, в меньшей степени – социально-психологических наук. Не меньший интерес, на наш взгляд, представляет не только изучение того, как протекали те или иные события, какие решения принимали те или иные деятели, как складывались те или иные стереотипы в массовом сознании воевавших народов, но и то, **что и как** говорили в этот период, т. е. изучение военной риторики.

В поисках метода исследования целесообразно остановиться на методе **археологии знания**, заложенном в трудах одного из интереснейших французских философов второй половины XX в. Мишеля-Поля Фуко. Метод этот как нельзя более риторичен. Его суть заключается в том, чтобы заставить говорить события и изучать события, основываясь не на толковании их историками, а на голосе персонажей, которые, собственно, и творили историю. «В наши дни, – писал Фуко, – история – это то, что преобразует документы в памятники, в которых расшифровываются оставленные людьми следы, в которых по отпечаткам пытаются узнать, чем или кем они были оставлены»¹. Археология знания рассматривает исторический дискурс не как документ,

а как памятник; не как признак вещи, а как самоценную вещь, как она понимается в философии.

Другими словами, целесообразно не столько изучать и трактовать факты и события Второй мировой войны, сколько изучать исторический дискурс, «поле дискурсивных событий», которое, по Фуко, есть «конечная и на настоящий момент ограниченная совокупность одних только... лингвистических эпизодов»².

Изучение исторического дискурса не замыкается в рамках лингвистического исследования, представляющего все же достаточно ограниченный научный интерес. Согласно теории общественной речи, процессы, происходящие в общественном бытии, взаимосвязаны с состоянием общественного сознания, испытывают взаимное влияние, опосредуются через общественную речь и отражаются в ней³. Таким образом, изучение исторического дискурса является объективным научным методом диалектического познания общественных явлений. Археология знания по сути выступает ценным дополнением исторического материализма, рассматривая вместо оси **сознание историка – познание – наука**, которая, по мнению Фуко, не может быть избавлена от субъективности, ось **дискурсивная практика – знание – наука**⁴.

Против односторонней трактовки матери-

алистической философией роли и места языка и, если смотреть шире, общественной речи исключительно как средства, обеспечивающего различные виды человеческой деятельности, или надстройки, выступал и другой французский философ Поль Рикер: «Язык в равной мере является и надстройкой, и базисом»⁵ (выделено мной. – С. 3.). Здесь надо категорически отказаться от схематических построений надстройки и базиса и противопоставить им круговое движение, где два понятия поочередно то включаются одно в другое, то обретают самостоятельность»⁶. Такой подход явно перекликается со взглядами Г.-Г. Гадамера на природу «осмысленного» слова, в котором «присутствует сама вещь. И поэтому оно не является орудием в собственном смысле слова»⁷, что закономерно приводило Рикера к гипотезе о гомогенности текста и социального действия, в которой текст рассматривался как модель «осмысленных поступков», последовательность которых образует исторический нарратив.

Мы в определенной степени разделяем точку зрения С. Зенкина о том, что «история не может больше занимать привилегированное положение среди дисциплин, интерпретирующих социальное действие, – эту функцию могут не хуже нее исполнять социология и психология»⁸. И далее: «История есть аутогерменевтика, самопонимание, но вместе с тем и самописание»⁹.

Таким образом исследование военной риторики Второй мировой войны должно быть попыткой доступными средствами приблизиться к пониманию состояния человека на войне, что, в конечном счете, имеет решающее значение для осознания философско-педагогического смысла происшедшего. Мы не оговорились, соединяя в одном понятии философию и педагогику, – чем дальше отстоят от нас события войны, тем большее значение в их трактовке для живущих и грядущих поколений приобретает именно воспитательный аспект. А для нашей страны это аспект становится еще и «принципиальным с точки зрения сохранения нашей государственности, с точки зрения укрепления нашей страны, воспитания патриотизма»¹⁰, как выразился В. В. Путин на встрече с ветеранами, посвященной 70-летию Сталинградской битвы.

Еще Фуко были замечены некоторые общие черты, присущие дискурсам, распространенным на определенном этапе исторического развития. Применительно к научному знанию им было введено понятие **эпистемы**, как совокупности связей, «которые в каждую конкретную эпоху можно найти между науками, анализируя их на уровне дискурсивных закономерностей»¹¹. И он же писал о целесообразности поиска таких за-

кономерностей в общественно-политической жизни, задумываясь о том, «не пронизано ли политическое поведение общества, группы или класса определенной и поддающейся описанию дискурсивной практикой»¹². Решение этого вопроса позволяло бы, по мысли Фуко, не задаваясь целью установления влияния социально-экономических факторов на уровень общественного сознания, определить, в какой момент сформировалась та или иная «дискурсивная практика», которая способствовала взаимному преобразованию тех и других.

В предыдущих наших работах серии «Военная риторика», вышедших в издательстве «Алетейя», совокупность таких «дискурсивных практик», или «дискурсивная формация» (по Фуко), получила название «пафос общественной речи»¹³, что раскрывает суть этого понятия как качественной характеристики общественной речи. Под пафосом общественной речи, напомним, мы понимаем совокупность концептуальных воззрений создателей речи, использующихся в качестве содержательной основы топов. Это, безусловно, в большей степени «риторическое» определение, по сравнению с «философским» – Фуко. «Лингвистический» аспект общих черт, присущих родам общественной речи определенного исторического периода, был отмечен и закреплен в определении А. А. Ворожбитовой, рассматривающей «дискурс-универсум, в котором существует совокупная языковая личность этносоциума в данный культурно-исторический период»¹⁴. Нетрудно заметить, что в основе этих определений лежит понимание, что, как писал ранее Г.-Г. Гадамер, «язык выходит из своего окказионального окраинного положения и становится в центр философии»¹⁵.

Изучение истории военной риторики дает уникальную возможность выделить и описать несколько видов пафоса общественной речи, действие которых прослеживается на протяжении всей письменной истории человечества: героического, религиозного, государственного, национального, социального. Причем действие указанных видов пафоса вплоть до самого «молодого» социального, находившего широкое распространение на фронтах Гражданской войны в России, наблюдается не только в военной риторике, но и в прочих родах социально-значимой речи, например, в политической и судебной риторике¹⁶.

Если рассматривать историю Второй мировой под этим углом зрения, можно отметить, что вооруженное противостояние государств с различным социально-экономическим строем находило непосредственное выражение в общественной речи и обеспечивалось ею. На-

пример, необходимость во взаимопонимании между странами антигитлеровской коалиции, согласования и разъяснения целей и смысла борьбы войскам и населению диктовала поиск общих ценностей государствами, в общественной речи которых преобладал до того, с одной стороны, национальный (Англия и США), с другой – социальный (СССР) пафосы. Именно эта потребность в нахождении общего языка привела к зарождению пафоса **наднационального**, о котором мы писали выше, опиравшегося на концепт «свобода», который в своем развитии в послевоенном мире, в конечном счете, сделал возможным Хельсинкские соглашения и организацию системы европейской безопасности и возникновение новой философии жизни.

На примере доминировавших на протяжении XX в. на международной арене государств, как было принято выражаться, с различным общественным строем, мы можем рассматривать на самом деле государства с различными типами речевой организации. По классификации Аристотеля, к тирании могут быть отнесены СССР и Германия, к олигархии – Англия и к демократии – Соединенные Штаты Америки. Другой вариант аристотелевской классификации (монархия, аристократия, полиция) нами не рассматривался, поскольку «золотой век» человечества явственным образом закончился революцией 1917 г.

В результате сравнения характера речевой деятельности государственных и военных деятелей этих стран и степени речевой активности народных масс оказалось, что максимум **производительных** и **результативных** усилий при минимуме **неоправданных** затрат (да простится нам такая терминология применительно к жертвам среди мирного населения и боевым потерям войск) способны развивать олигархия и демократия.

Разгадка этого феномена лежит ни в чем ином, как в правильной речевой организации общества, чему учит нас теория риторики. А основной принцип такой организации – **речевая активность масс является залогом формирования деятельной Личности**. «Народ, который может все сказать, может все и сделать», – как нельзя лучше выразился по этому поводу Наполеон.

В тоталитарных государствах, речевая организация которых представляла собой типичную тиранию, как в СССР и гитлеровской Германии, проблема отношения к человеческой личности всегда была дуалистичной. С одной стороны, личность вождя возносилась на недостижимую высоту и фактически обожествлялась, с другой – сакрализировались массы, которые в официальной

идеологии выступали носителем социальной или национальной **правды**, как совокупности воззрений на принципы устройства общественного бытия. Личность же отдельного человека в массе, как известно, предельно нивелировалась. Ситуация усугублялась тем, что основания этих государств не опирались на авторитет религии, в центре которой всегда стоял человек, о которой М. М. Пришвин писал, что «носителем истинного личного начала – христианин»¹⁷.

Следствием из этого была стратегия Числа, преобладавшая в довоенном советском полководческом искусстве, или ставка на простое физическое истребление врага, на которой основывалось военное искусство гитлеровской Германии.

Поэтому в СССР, как это ни парадоксально, красноармейца не особо стремились учить, а командира – учиться воевать. Рассчитывали навалиться массой. Количество танков и самолетов значило больше профессионализма бойцов и всесторонне продуманной военной организации. Но принимать взвешенные решения, не обладая правом голоса, а только правом беспрекословного исполнения, невозможно. К тому же выйти за пределы эгоистических интересов, что является необходимым условием проявления воинской доблести, способна только Личность.

В декабре тяжелого 1942 г. тот же М. М. Пришвин записывал: «Командир должен стать личностью, а „массы“ народом»¹⁸. На воспитание личности в солдатах, офицерах и генералах вовремя опомнившимся советским руководством было положено немало сил. И это принесло СССР победу.

Попытка же перенять довоенный советский опыт в ходе войны привела Германию к гибели. Этому весьма способствовала разрушающая Личность жестокость, в значительной степени базировавшаяся на особенностях национального характера и идеологических предпосылках национал-социалистического воспитания. Практика показала: кто строит на ненависти – строит на песке. Кто строит на любви, терпении и жертве – закладывает основы воинской доблести, грядущей славы и победы.

История Великой Отечественной войны, рассмотренная под этим углом зрения, есть история развития личности советского и одновременно умаления личности немецкого солдата.

Возможности общественной речи по воспитанию армии и народа в тираниях суживались государственной идеологией, ограничивая круг ценностей, к которым могли апеллировать военные и политические лидеры. Например, в СССР хоть и пошли на открытие церквей и предоста-

Военная риторика Второй мировой войны с позиции теории общественной речи¹

вили ограниченное право голоса патриарху Сергию, но к религиозному пафосу общественной речи практически не обращались, в результате чего массу населения западных областей, для которого религия была неотъемлемым элементом жизненного уклада, нечем было убеждать, кроме как аргументами из карательной практики НКВД.

Олигархия и демократия, напротив, активно использовали все известные пафосы общественной речи, добавив к ним еще один, который помогал сформировать общую систему ценностей солдат и офицеров коалиционных сил. Это было тем более необходимо, что американцы в Европе воевали с противником, не представлявшим непосредственную угрозу их стране.

Широчайшие возможности проявления творческой, инициативной мыслящей личности военнослужащих обеспечивались поразительной речевой свободой, характерной для заокеанской демократии. Благодаря этому американских солдат было очень трудно использовать как пушечное мясо, даже если бы такое желание и возникло у их генералов, которые даже в разгар войны находились под бдительным присмотром прессы. К сожалению, эта свобода не всегда употреблялась во благо, имели место и случаи относительно безответственного отношения к слову, игры на страстях толпы.

Олигархия при относительно меньшей речевой активности «снизу» выигрывала за счет нравственно безупречной личности представителей элиты британского общества.

В том и другом случае, контролем ли «четвертой власти» или личной совести, обеспечивалось взаимное доверие войск и военного и государственного руководства. Это доверие выступало вполне осязаемым фактором, противодействовавшим утилитарно-потребительскому отношению к ценности человеческой жизни на войне. Оттого англичане и американцы не на словах, а на деле стремились воевать «малой кровью»; индекс возможных потерь всегда довлел над полководческими умами союзников.

Современная Россия до сих пор болезненно переживает последствия Второй мировой войны. «Слава, купленная кровью,» все тяжелее отдается в поколениях. Недостаточно уже подогревать патриотический пыл сограждан на парадах 9 Мая, демонстрируя военные мускулы. Актуальнее, если мы хотим сохраниться в качестве страны, занимающей шестую часть суши, сделать правильные выводы из горького опыта предков, выбирая эффективную модель речевой организации нашего общества и терпеливо трудясь над ее внедрением на пока еще необъятных российских просторах.

Перейдем к выводам:

1. «Многоукладность» (использование всех известных пафосов) общественной речи выступает противовесом идеологизации и залогом стабильного развития общественного сознания;

2. Любая идеологизация (проявляющаяся в отказе от совокупности пафосов общественной речи в пользу какого-либо одного) означает смерть общественной речи, выражающуюся в ее ритуализации, что заканчивается стагнацией общественного сознания и кризисом общественного бытия;

3. Идеи и ценности, прокламируемые государственной пропагандой, обязательно должны усиливаться военной риторикой, пронизывающей все звенья военной структуры, начиная с монолога начальника и заканчивая диалогом с подчиненными и разговором подчиненных;

4. Победа и устойчивые результаты от победы в войне достигаются главным образом за счет нравственного превосходства победителя;

5. Боеспособная армия должна быть школой личностного роста военнослужащих;

6. Высокий уровень культуры народа есть необходимое основание обороноспособности страны.

Если первые пять выводов прямо следуют из теории общественной речи и подтверждаются результатами анализа состояния военной риторики межвоенного периода и риторики Второй мировой войны, то на последнем стоит остановиться подробнее.

Культуру можно сравнить с тонким плодородным слоем почвы народной души. Всякая социальная революция, подобно бурному селевому потоку, сносит его, обнажая скудное глинистое основание эгоизма и равнодушия. Вот почему речи постреволюционных политиков, военных и государственных деятелей каплями дождя барабанят по глине и камню души бескультурной массы, не впитываясь и не оживляя семена мыслей и чувств, которые, увы, не прорастают и не приносят плода от деятельности.

Естественно, что власть в этом случае испытывает сильнейший искус авторитаризма, как средства быстро повести народ прямой дорогой к счастью. Чем это заканчивается, известно – подавлением личности, замиранием общественной и гражданской активности или имитацией таковой. Говорить в таких условиях о действенности героической словесности, о военной риторике как части военной науки и военного искусства бессмысленно. Не может красноречие, хоть бы и Цицероново, возжигать священный пламень любви к отечеству, пробуждать благородное славолубие в душах, погрязших в узкоэгоистических расчетах и озбоченных

исключительно удовлетворением простейших витальных потребностей.

Знание и понимание отличий национальной культуры, религии, истории и языка выступают основой национально-государственной идентичности этноса, превращают население, проживающее до поры на определенной территории, в народ, осознано и творчески управляющий своей жизнью.

Военная риторика и государственная пропаганда имеют успех только на более или менее удобренной культурой почве общественного сознания; только тогда их совокупные усилия способны вызвать пробуждение колоссальных сил, скрытых в народе, в момент опасности его самобытному существованию. Отсюда первейшая задача сегодняшнего дня – наращивать культурный слой народной души, воспитывать сознательность, культурность и всеми силами способствовать личностному развитию солдат и граждан.

Добиться этого без целенаправленного и продуманного речевого воспитания, основанного на формировании способности к **речевой деятельности**, раскрывающей и созидющей личность, невозможно.

Примечания

¹ Фуко М. Археология знания: пер. с фр. СПб.: Гуманит. акад.: Университ. кн., 2004. С. 43.

² Там же. С. 79.

³ Зверев С. Э. Речевое воспитание военнослужащих. СПб.: Алетейя, 2013. С. 339.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ Любопытно, как с идеями «буржуазных» философов перекликаются взгляды по этому вопросу классиков марксизма: «Язык... коренным образом отличается от надстройки. Язык порожден не тем или иным базисом внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков... Язык связан

производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому сфера действия языка, охватывающего все сферы деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична» (Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1950. С. 14–16). Нетрудно заметить, что в статье язык не соотносен определенно ни с базисом, ни с надстройкой. Естественно, что желающих указывать на такие парадоксы «отцу и учителю всех народов» в 50-е гг. в СССР не находилось.

⁶ Рикер П. История и истина: пер с фр. СПб.: Алетейя, 2002. С. 240.

⁷ Гадамер Г.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики: пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 253.

⁸ Зенкин С. Работы о теории: ст. М.: Новое лит. обозрение, 2012. С. 35.

⁹ Там же. С. 40.

¹⁰ Встреча В. В. Путина с ветеранами Великой Отечественной войны и членами поисковых отрядов. URL: <http://volgoduma.ru> (дата обращения: 03. 02. 2013).

¹¹ Фуко М. Археология знания. С. 351.

¹² Там же. С. 355.

¹³ См., например: Зверев С. Э. Военная риторика Нового времени. СПб.: Алетейя, 2012, 400 с.

¹⁴ Ворожбитова А. А. Лингвориторическая парадигма: теорет. и приклад. аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2003. С. 5.

¹⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 187.

¹⁶ См., например: Зверев С. Э. Пафосы общественной речи в судебном красноречии XV–XIX вв. // European Social Science J. = Европейский журнал социальных наук. Рига; М., 2012. № 11(2). С. 87–97; Зверев С. Э. Пафосы общественной речи в политической риторике Демосфена // Social Science = Общественные науки. 2013. № 1. С. 36–44.

¹⁷ Пришвин М. М. Дневники, 1942–1943 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; ст., коммент. Я. З. Гришиной. М.: Росспэн, 2012. С. 565.

¹⁸ Там же. С. 364.